

ЗАДАЧИ
СУДЕБНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ
И
СОВРЕМЕННОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ
для врача и юриста.

Б. И. Воротынского

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

Рѣчь, произнесенная 31 января 1898 года въ годовичномъ
засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1898.

ЗАДАЧА
СУДЕБНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ
И
СОВРЕМЕННОЕ ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ПРАВА И ФУНДАМЕНТА

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Н. Поповъ.

В. Н. Богдановъ

Тема, предложенная 21 января 1905 года на заседании
Общества невропатологовъ и психіатровъ при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

М. Гл!

За послѣднее время какъ въ общей, такъ и въ специальной медицинской пресѣ все громче и громче раздаются тревожные голоса о постепенномъ увеличеніи среди населенія числа душевно-больныхъ. Этотъ фактъ съ постоянствомъ подтверждается также соотвѣтствующими статистическими изслѣдованіями и отчетами психіатрическихъ лечебницъ.

Помимо специальной статистики, которая регистрируетъ только ясно и рѣзко выраженные случаи душевныхъ заболѣваній, существуютъ другого рода данныя, указывающія съ несомнѣнностью, что нашъ соціальный организмъ въ переживаемое нами время страдаетъ разнообразными болѣзненными проявленіями душевной дѣятельности. Выдающіеся писатели и романисты, отличающіеся тонкой наблюдательностью, уже подмѣтили эти ненормальныя черты психической жизни современнаго человѣка: въ своихъ новѣйшихъ произведеніяхъ они особенно часто и охотно стали выводить типы людей неуравновѣшенныхъ, недовольныхъ собой и всѣмъ окружающимъ, отрицающихъ все существующее, людей извѣрившихся, ищущихъ выхода и спасенія въ мисцицизмѣ, декадентствѣ, нигилизмѣ. Обыкновенный наблюдатель также сплошь и рядомъ можетъ встрѣтить теперь субъектовъ скучающихъ, разочарованныхъ, „нищихъ духомъ“, людей „съ больной совѣстью, съ усталой душой“.

На что указываютъ эти печальные факты? Они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что современное общество переживаетъ тяжелый періодъ умственнаго утомленія и нравственной рас-

шатаемости, что душевныя силы современнаго поколѣнія подорваны въ самомъ своемъ основаніи. И если мы вспомнимъ при этомъ, что нашему потомству суждено выростать на такой психически-потрясенной и нервно-расшатанной почвѣ, то по-неволѣ впадемъ въ грустный и унылый тонъ и, пожалуй, поймемъ отчасти тѣхъ крайнихъ пессимистовъ, которые тревожно заявляютъ, что душевно-здоровый человѣкъ переходитъ въ область преданія: онъ переводится, какъ перевелись когда-то богатыри на Руси.

Не безъ основанія нашъ вѣкъ получилъ эпитетъ большого вѣка, вѣка перваго. Причину этого многіе видятъ въ успѣхахъ современной цивилизаціи, въ прогрессѣ культуры. Дѣйствительно, останавливаясь на этомъ вопросѣ и глубже анализируя тѣ данныя, которыя послужили основаніемъ для подобнаго заключенія, приходится признать, что многія темныя стороны современной цивилизаціи не могли благопріятно отозваться на тѣлесномъ и въ особенности на духовномъ здоровьи нынѣшняго поколѣнія. Впрочемъ правъ Krafft-Ebing, заявляя, что „мы находимся на склонѣ вѣка совершенно исключительнаго въ исторіи человѣческаго развитія. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ столѣтій не было произведено столько умственной работы. Во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности въ теченіе нашего столѣтія произошелъ прогрессъ, который въ извѣстныхъ направленіяхъ былъ крайне быстрый и едва давалъ возможность современникамъ приспособиться къ новымъ формамъ существованія и новымъ условіямъ жизни“¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ: нашъ вѣкъ по справедливости можно назвать вѣкомъ поразительныхъ открытій, выдающихся изобрѣтеній и усовершенствованій. Тѣ громадныя, можно сказать, колоссальныя, необъятныя успѣхи, которые сдѣланы въ теченіе послѣдней четверти настоящаго столѣтія во всѣхъ областяхъ знанія, какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго, затмеваютъ

---

¹⁾ Krafft-Ebing. Причины развитія прогрессивнаго паралича.—Обозр. псих., неврол. и экспер. психологіи. 1897, № 9.

собою все то, что приобрѣтено и завоевано нѣсколькими предыдущими вѣками вмѣстѣ взятыми: переживаемое нами столѣтіе „какъ бы старалось поспѣшно нагнать то, что не было сдѣлано прошлыми вѣками съ ихъ медленнымъ развитіемъ“.

Дѣйствительно, благодаря измѣненнымъ условіямъ времени и пространства, благодаря легкости и общедоступности средствъ къ взаимному общенію, теперь на разстояніи 15—20 лѣтъ происходитъ столько событій и переворотовъ въ общественной жизни, сколько прежде могло совершиться лишь въ теченіе ста лѣтъ и даже больше; смѣны политическихъ явленій и измѣненія социальныхъ и экономическихъ условій жизни происходятъ теперь такъ быстро, что въ какія нибудь 10—15 лѣтъ мы переживаемъ цѣлую историческую эпоху. А если еще имѣть въ виду то обстоятельство, что одновременно съ этимъ въ образованномъ обществѣ идетъ спѣшная переработка нравственныхъ идеаловъ, совершается коренное измѣненіе міросозерцанія,—тогда станетъ вполне понятнымъ, какая непосильная умственная работа досталась на долю современному культурному человѣчеству. Не мудрено поэтому, если, вслѣдствіе столь чрезмѣрнаго напряженія духовныхъ силъ, наша центральная нервная система становится несостоятельной, инвалидной, если утомленный головной мозгъ не имѣетъ возможности справиться съ той непосильной работой, которая падаетъ на него всей своей гнетущей тяжестью, если современный культурный человѣкъ не успѣваетъ слѣдовать за быстро измѣняющимися условіями жизни.

Въ то же время, параллельно съ осложненіемъ общественныхъ отношеній, и жизненная борьба сдѣлалась много труднѣе, а между тѣмъ вредныя вліянія, окружающія человѣка, не только не уменьшаются, но въ извѣстномъ направленіи даже прогрессивно увеличиваются.

Вотъ эти-то отрицательныя стороны нашей общественной жизни, эти темныя пятна современной цивилизаціи и являются главнѣйшими слагаемыми въ суммѣ тѣхъ причинъ, которыя обуславливаютъ собою постепенный ростъ среди насъ числа душевныхъ заболѣваній.

Стоя на порогѣ XX столѣтія, весьма естественно задаться вопросомъ: не слишкомъ ли дорогой цѣной покупаемъ мы все то, что привыкли считать прогресомъ культуры и успѣхами цивилизаціи; не пора ли обратить вниманіе и на оборотную сторону медали?

Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи у насъ не сдѣлано даже и почина.

Общезвѣстна истина: чтобы успѣшнѣе бороться съ какимъ либо зломъ, нужно его знать. Казалось бы, что печальный фактъ постепеннаго возрастанія въ населеніи процента душевно-больныхъ долженъ бы былъ обратить на себя серьезное вниманіе, долженъ бы былъ уже давно возбудить къ себѣ живой интересъ въ современномъ обществѣ. Однако, ничуть не бывало. Только въ послѣднее десятилѣтіе, когда новѣйшіе успѣхи психіатріи выдвинули ее среди другихъ положительныхъ наукъ, когда добытыя этой наукой данныя легли въ основаніе новѣйшихъ философско-юридическихъ теорій и рѣзко измѣнили существовавшіе дотолѣ взгляды на природу преступленія и на смыслъ и значеніе наказанія,—только съ этого времени явилась возможность надѣяться и ожидать, что знаніе психіатріи вскорѣ сдѣлается необходимымъ не только для врача и юриста, но и для всякаго образованнаго человѣка.

Не нужно забывать однако, что въ нашихъ университетахъ ученіе о душевныхъ болѣзняхъ стало самостоятельной кафедрой только съ введеніемъ новаго университетскаго устава; до этого времени психіатрія составляла лишь отдѣлъ клиники внутреннихъ болѣзней. Въ силу такого зависимаго положенія, психіатрія, какъ наука, не могла свободно и правильно развиваться, а ея представители не имѣли возможности достаточно широко и съ желаемой полнотой проводить въ жизнь здравые психіатрическіе взгляды. Это обстоятельство является главнѣйшей причиной того, что до сихъ поръ еще въ публикѣ господствуетъ самое невѣрное представленіе о душевныхъ болѣзняхъ.

Въ широкой публикѣ прочно установилось мнѣніе, что душевно-больного узнать очень легко: если человѣкъ говоритъ

очевидную нелѣпность и бессмыслицу, если онъ буйствуетъ, бѣсится, рветъ и мечетъ, сокрушаетъ все окружающее—это, значитъ, сумасшедшій. Профаны и не подозрѣваютъ при этомъ, что существуетъ много формъ душевныхъ заболѣваній, гдѣ ни внѣшній видъ больного, ни его поведеніе, ни образъ дѣйствій ничѣмъ не отличаютъ его отъ нормальнаго человѣка, и только наблюдательный глазъ спеціалиста и строгій клиническій анализъ всей душевной дѣятельности больного позволяютъ обнаружить въ немъ признаки душевной болѣзни, подчасъ тяжелой, опасной, даже неизлѣчимой.

Къ сожалѣнію, подобныя ложныя понятія о душевныхъ болѣзняхъ распространены между интеллигентными и вполне образованными людьми, которые съ именемъ сумасшедшаго дома представляютъ себѣ нѣчто чудовищное, дикое, ужасное, непохожее на то, что они обыкновенно видятъ вокругъ себя. Неудивительно поэтому, если случайные посѣтители психіатрическихъ лечебницъ, пройдя по палатамъ и видя передъ собою обыкновенныхъ людей, не отличающихся отъ здоровыхъ ни взглядомъ, ни словами, ни поступками, съ удивленіемъ спрашиваютъ: да гдѣ же, наконецъ, сумасшедшіе? Они ожидали встрѣтить здѣсь иной міръ, новыхъ людей, не подозрѣвая того, что здѣсь можно найти человѣка только „измѣненнаго, но не преобразованнаго“, что здѣсь, по замѣчанію Эскироля, можно встрѣтиться „съ тѣми же заблужденіями, страстями и страданіями; это тотъ-же міръ, но только всѣ черты здѣсь рѣзче, краски ярче, тѣни сильнѣе и дѣйствія поразительнѣе, потому что человѣкъ является тутъ во всей наготѣ, не скрывая своихъ помысловъ и недостатковъ, не прикрывая страстей прельщающимъ насъ покровомъ и не маскируя пороковъ обманчивою внѣшностью“¹⁾.

Наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, какъ мало распространены трезвые и правильные взгляды на сущность и причины душевныхъ заболѣваній даже среди широко

---

¹⁾ Цит. по *Маудсли*. Ответственность при душевныхъ болѣзняхъ.— Пер. подъ ред. Чечотта. Спб. 1875 г.

образованныхъ людей, служатъ тѣ литературныя произведенія, гдѣ изображаются душевно-больные герои, гдѣ выводятся на сцену помѣшанные. Читая такія произведенія, а также видя на сценѣ изображеніе помѣшательства даже выдающимися артистами, во-очію приходится убѣждаться, какіе подчасъ превратные взгляды высказываются на причины душевныхъ заболѣваній, какія невѣрныя свѣдѣнія усвоены о природѣ помѣшательства, какія укоренились ложныя представленія относительно проявленій сумасшествія. Въ этомъ отношеніи можно вполне присоединиться къ мнѣнію Krafft-Ebing'a, который говоритъ, что „изображеніе помѣшательства въ поэтическихъ произведеніяхъ большею частью невѣрно или по малой мѣрѣ односторонне“. Даже гениальный Шекспиръ, названный Шарко отцомъ наблюдательности, въ произведеніяхъ котораго мы часто встрѣчаемъ героевъ, страдающихъ помѣшательствомъ, не всегда удовлетворительно справлялся съ этой задачей, хотя обладалъ тонкимъ инстинктомъ психолога. Проф. Чижъ, выясняя значеніе Достоевскаго, какъ психопатолога, справедливо замѣчаетъ, что только этому великому знатоку человѣческой души удалось совладать съ крайне трудной задачей дать вѣрное изображеніе помѣшательства. Гоголь въ „Запискахъ сумасшедшаго“ обнаружилъ поверхностное знакомство съ душевными болѣзнями. „Очевидно,—говоритъ проф. Чижъ,—что наблюденіе и описаніе душевно-больныхъ очень трудно, если даже романисты, считающіеся хорошими наблюдателями, или избѣгаютъ этой темы, или даютъ крайне поверхностное, а по большей части даже невѣрное описаніе, сообщающее публикѣ ложныя свѣдѣнія о помѣшательствахъ“¹⁾.

Всѣ указаные факты приведены здѣсь мною съ тою цѣлью, чтобы показать, что до сихъ поръ еще мыслящая часть общества проявляетъ мало интереса къ ознакомленію съ основами психіатріи, съ законами психопатологіи. Не говоря уже о томъ, что такое незнакомство съ психіатріей порождаетъ

---

¹⁾ В. Чижъ. Достоевскій, какъ психопатологъ.—Москва, 1885.

цѣлый рядъ печальныхъ недоразумѣній въ жизни современнаго общества и вредно отзывается на психическомъ здоровьи массъ, оно въ то же время приводитъ къ крайне прискорбнымъ послѣдствіямъ при столкновеніяхъ душевно-больныхъ съ здоровымъ элементомъ населенія. И разумно здѣсь важное современное значеніе психопатологіи по отношенію къ интересамъ правосудія.

Извѣстно, что душевно-больные часто совершаютъ различнаго рода преступленія, за которыя они однако не отвѣтственны передъ закономъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ сознательной юридической воли; по той же причинѣ они не могутъ по закону завѣдывать своими дѣлами, заключать юридическія сдѣлки и вообще отправлять различныя гражданскія обязанности. Отсюда видно, что юристамъ при ихъ практической дѣятельности весьма нерѣдко приходится сталкиваться съ такими дѣлами, гдѣ необходимо, прежде чѣмъ судить, выяснить вопросъ объ уголовной вмѣняемости и гражданской дѣеспособности заинтересованнаго въ дѣлѣ лица. Для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ въ сомнительныхъ случаяхъ, по существующимъ у насъ законоположеніямъ, должно быть производимо при участіи врачей-экспертовъ освидѣтельствованіе такихъ лицъ, съ цѣлью выяснить ихъ душевное состояніе. Инициатива въ приглашеніи врачей-экспертовъ по закону принадлежитъ представителямъ судебной власти; имъ же поручается и руководство при производствѣ экспертизы, а также и оцѣнка добытыхъ экспертизою данныхъ. При такихъ широкихъ полномочіяхъ и правахъ, какія предоставлены закономъ судебнымъ дѣателямъ при рѣшеніи психіатрическихъ вопросовъ, весьма естественно и справедливо требовать, чтобы судьи были знакомы съ основными положеніями той науки, адепты которой производятъ экспертизу. Однако на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Современные юристы очень мало интересуются психіатріей, несмотря на то, что знакомство съ этой областью знанія для нихъ прямо необходимо при ихъ ежедневной практической дѣятельности.

Возлагая на судебных дѣателей руководство психіатрической экспертизой и предоставляя имъ право дѣлать оцѣнку добытыхъ экспертизою данныхъ, законъ какъ будто предполагаетъ, что представители судебной власти обладаютъ соотвѣтственными знаніями, что они достаточно компетентны въ рѣшеніи данныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь такое предположеніе явилось результатомъ того печальнаго и опаснаго заблужденія, будто душевную болѣзнь можетъ распознать всякій здравомыслящій человѣкъ, что для этого не нужно особенныхъ специальныхъ знаній, что душевно-больной самъ себя обнаруживаетъ при первой съ нимъ бесѣдѣ.

Если подобный взглядъ на душевныя болѣзни могъ существовать нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и если его придерживались въ то время, когда изданы наши законы о душевно-больныхъ, то уже для современнаго образованнаго юриста должно быть прямо обиднымъ, если его будутъ считать приверженцемъ такихъ отжившихъ взглядовъ. А между тѣмъ практика показываетъ, что наши судебные дѣатели при рѣшеніи психіатрическихъ вопросовъ далеко не стоятъ на высотѣ своего положенія.

Уже тотъ фактъ, что и по настоящее время еще функционируетъ у насъ безъ всякихъ измѣненій старое, вполне отжившее свой вѣкъ, законодательство о душевно-больныхъ, говоритъ за то, что новѣйшія завоеванія психіатріи не усвоены вполне представителями юриспруденціи, что успѣхи психопатологии не успѣли еще измѣнить прежнихъ взглядовъ на душевныя болѣзни, которые такъ прочно укоренились въ обществѣ.

Еще въ 1883 году Слонимскій ¹⁾ настойчиво указывалъ, что „нашему дѣйствующему законодательству о душевно-больныхъ грозитъ вполне заслуженная участь перейти въ законодательные архивы въ качествѣ любопытныхъ историческихъ матеріаловъ“, а далѣе прибавлялъ: „по справедливости такая участь должна была уже давно постигнуть указанный отдѣлъ свода законовъ“.

---

¹⁾ Л. З. Слонимскій. Законодательство о душевно-больныхъ. — Вѣстникъ Мерзеевскаго. I, вып. 1, 1883.

Если такая ненормальность уже тогда, 15 лѣтъ тому назадъ, сознавалась ясно, то теперь она несомнѣнно является очевиднымъ анахронизмомъ. Дѣйствительно, по замѣчанію того же Слонимскаго, „въ сводѣ законовъ (о душевно-больныхъ) нашли себѣ мѣсто разнообразныя теченія прошлыхъ временъ, остатки различныхъ взглядовъ и стремленій, часто несовмѣстимыхъ,—формулы отжившія, непригодныя для практики, рядомъ съ разумными правилами, выраженными какъ бы случайно, безъ прочной связи съ содержаніемъ сосѣднихъ статей“. Въ то же время „практика Сената по дѣламъ о душевно-больныхъ,—продолжаетъ онъ,—не только не вносила единства и послѣдовательности въ эту важную область, но еще болѣе увеличивала затрудненія своими непримиримыми противорѣчіями и шатаніями. Недостатки закона не только не смягчались путемъ разумнаго толкованія, но еще доводились до абсурда“.

Такъ охарактеризовалъ существующія законоположенія о душевно-больныхъ талантливый юристъ, присяжный повѣренный Л. З. Слонимскій. Въ томъ же смыслѣ высказывается по этому вопросу и психіатръ, д-ръ Чечоттъ. „Если взглянуть на наше законодательство,—говоритъ онъ,—такъ или иначе касающееся вопроса о сумасшествіи или о самихъ сумасшедшихъ, то его несистематичность, случайность, фрагментарность, конечно, доказываютъ, что въ этомъ отношеніи до сихъ поръ этотъ вопросъ еще не составлялъ предмета общегосударственной заботы“¹⁾.

Указанная неопредѣленность нашихъ законоположеній о душевно-больныхъ ставитъ какъ врача, такъ и юриста при разрѣшеніи психіатрическихъ вопросовъ въ крайне затруднительное положеніе, которое осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что между самими врачами и юристами не установилось пока полнаго единомыслія по принципиальнымъ вопро-

---

¹⁾ О. А. Чечоттъ. Къ вопросу объ освидѣтельствованіи душевно-больныхъ съ цѣлью учрежденія надъ ними опеки.—Труды I сѣзда отечественныхъ психіатровъ. 1887.

самъ, касающимся психіатрической экспертизы. Такъ, до послѣдняго времени еще много спорятъ врачи и юристы о томъ, кому принадлежитъ право опредѣленія способности къ вмѣненію въ каждомъ отдѣльномъ судебномъ случаѣ, а также кто долженъ опредѣлять гражданскую дѣеспособность заинтересованнаго въ дѣлѣ лица—врачъ или юристъ?

Все эти споры, мнѣ кажется, вытекаютъ опять-таки изъ того основного заблужденія, которое и теперь еще приводитъ нѣкоторыхъ юристовъ къ заключенію, что опредѣленіе существованія умопомѣшательства не должно составлять исключительной принадлежности медицинской экспертизы. По мнѣнію этихъ юристовъ, опытный судья самъ можетъ правильно опредѣлить состояніе умственныхъ способностей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не прибѣгая къ помощи психіатра. Не нужно, мнѣ кажется, доказывать, что такія умозаключенія свидѣтельствуютъ только объ одномъ, а именно—о полномъ незнакомствѣ представителей юриспруденціи съ основными положеніями психопатологіи.

Въ современной психіатріи достаточно твердо установленъ фактъ, что между душевнымъ здоровьемъ и разстройствомъ умственной дѣятельности нельзя провести рѣзкой границы, какъ нельзя провести такой границы и вообще между здоровьемъ и болѣзью. Еще Гризингеръ замѣтилъ, что дилемма—человѣкъ сумасшедшій, либо нѣтъ—совершенно не вѣрна. Дѣйствительно, каждый специалистъ, посвятившій себя изученію душевныхъ болѣзней, хорошо знаетъ, какъ много существуетъ такихъ сомнительныхъ формъ душевныхъ состояній, гдѣ крайне трудно высказаться съ положительностью въ томъ или въ другомъ направленіи. Весьма нерѣдко встрѣчаются субъекты, въ особенности съ наследственнымъ предрасположеніемъ, которыхъ никакъ нельзя назвать помѣшанными, но которые въ то же время по складу своего ума, по особенностямъ характера и по поведенію настолько отличаются отъ другихъ людей, такъ непохожи на окружающихъ, что невольно обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. Въ обществѣ такіе субъекты слывуть за чудаковъ, эксцентриковъ, странныхъ самоду-

ровъ; а психіатръ ихъ просто назоветъ кандидатами на замѣщеніе мѣста въ психіатрическомъ заведеніи. Такіе субъекты могутъ сойти съ ума, могутъ и не сойти, но во всякомъ случаѣ они всегда въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, въ своемъ больномъ темпераментѣ будутъ носить слѣды печальной наследственности. Если психіатру встрѣтится подобный случай и если ему придется при этомъ производить экспертизу, то несомнѣнно онъ отнесется къ своей задачѣ съ полнымъ вниманіемъ, съ крайней осторожностью. Въ такихъ случаяхъ психіатръ начнетъ изучать личность даннаго субъекта съ самаго его рожденія, выяснитъ всѣ стороны его наследственности, прослѣдитъ послѣдовательно всю его жизнь, всѣ особенности дѣтскаго возраста и полового развитія,—словомъ произведетъ самый строгій и полный анализъ его психической жизни и только тогда выскажетъ свое окончательное сужденіе.

Само собою разумѣется, что такое клиническое изслѣдованіе будетъ носить строго научный характеръ; несомнѣнно также и то, что для такого клиническаго анализа, для такого научнаго акта необходимы спеціальныя знанія, опытность, умѣнье. Производить клиническое психіатрическое наблюденіе дѣло далеко не легкое: тутъ требуются какъ теоретическія, такъ и практическія познанія, нуженъ опытъ. Добытыя такимъ путемъ данныя въ рукахъ знатока будутъ всегда служить великимъ рычагомъ для открытія истины на судѣ. Странно по этому слышать заявленія юристовъ по поводу опредѣленія душевнаго состоянія подсудимыхъ, что „всякій, пользующійся здравымъ смысломъ и знающій поэтому хорошо человѣческую природу, разсматривающій этотъ предметъ съ надлежащимъ вниманіемъ, имѣетъ право составить себѣ мнѣніе о немъ: и это болѣе дѣло тѣхъ, назначеніе которыхъ примѣнять законъ, чѣмъ врачей“¹⁾.

Въ подобныхъ заявленіяхъ ясно сквозитъ желаніе юристовъ освободить судъ отъ авторитета врачей, въ нихъ какъ будто

---

¹⁾ Цит. по *Сербскому. Судебная психопатологія. Стр. 68.*

слышится опасеніе судей потерять свою власть, уронить высокое достоинство суда. Представители юриспруденціи, придерживающіеся такихъ взглядовъ, вполне заслуживаютъ дѣлаемый имъ извѣстнымъ юристомъ Mittermaуer'омъ упрекъ въ полномъ незнакомствѣ съ новѣйшими завоеваніями психіатріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и судебной психопатологіи.

Хотя судебная психопатологія наука еще юная, тѣмъ не менѣе сдѣланные ею выводы, добытые съ помощью естественно-научныхъ методовъ, имѣютъ уже громадное значеніе: они служатъ основой для прогрессивнаго развитія законовѣдѣнія и для выработки новыхъ законоположеній о душевно-больныхъ. Важная заслуга судебной психопатологіи состоитъ въ томъ, что ея научные выводы имѣли большое вліяніе на преобразование законодательства и указали надлежащій путь, по которому должно идти дальнѣйшее развитіе уголовного права. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напр. Германія, Австрія, Италия, гдѣ законодательство уже преобразовано, успѣшному разрѣшенію этого вопроса въ значительной степени способствовали новѣйшія завоеванія въ области судебной психопатологіи. У насъ въ Россіи также ожидается въ близкомъ будущемъ преобразование законодательства, и въ новомъ проектѣ уложенія о наказаніяхъ въ законоположеніяхъ о душевно-больныхъ введены существенныя измѣненія и улучшенія, стоящія въ связи съ новѣйшими успѣхами судебной психіатріи. Въ этомъ отношеніи уже начинаютъ сбываться слова знаменитаго *Morella*, который говорилъ: „Я глубоко убѣжденъ, что законы о наказуемости преступленій подвергнутся въ будущемъ измѣненіямъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и честь осуществленія этихъ измѣненій будетъ принадлежать врачамъ, которые научатся лучше доказывать многочисленныя уклоненія организаціи, обязанныя своимъ происхожденіемъ наслѣдственности“¹⁾. Недаромъ еще Декартъ утверждалъ, что только медицина можетъ исправить порочность человѣчества.

---

¹⁾ Цит. по Krafft-Ebing'у.—Суд. психоп., стр. 9.

Особенное значеніе судебная психопатологія пріобрѣла съ того времени, когда съ легкой руки Ломброзо медицина занялась изученіемъ „преступнаго чловѣка“, когда народилась новая наука—криминологія, криминальная антропологія или, какъ нѣкоторые еще называютъ ее, криминальная соціологія. Дѣйствительно, современное развитіе уголовной антропологіи, какъ отдѣла судебной психіатріи, произвело уже крупный переворотъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на преступленіе, измѣнило взгляды на наказаніе, дало болѣе прочныя основы для разрѣшенія вопросовъ о способности къ вмѣненію. Въ этомъ отношеніи громадная заслуга принадлежитъ Ломброзо, который создалъ новое направление въ медицину, новую школу, ставящую своей задачей изученіе преступника при помощи естественно-научныхъ методовъ. Такимъ путемъ школа Ломброзо сблизила юриспруденцію съ медициной, дала новое направленіе дѣятельности юристовъ, которые съ этого времени стали болѣе интересоваться криминологіей и начали принимать участіе въ разработкѣ основныхъ вопросовъ этой науки.

Къ сожалѣнію, однако, еще и теперь нѣкоторые русскіе юристы стараются защищать старыя взгляды на преступленіе, отстаиваютъ класическую школу права и отрицаютъ всякое научное значеніе антропологіи. Такъ, на послѣднемъ международномъ конгрессѣ криминальной антропологіи въ Женевѣ представитель отъ Россіи, сенаторъ Закревскій, въ своемъ докладѣ „Объ отношеніяхъ между правомъ и антропологіей“ взялъ на себя смѣлость передъ дѣльмъ конгрессомъ прочитатъ обвинительную рѣчь противъ криминальной антропологіи, отрицая ее, какъ науку. Этотъ русскій делегатъ въ своемъ докладѣ на конгрессѣ высказалъ, между прочимъ, слѣдующія положенія: „Понятіе о преступленіи самодержавно устанавливается государственнымъ закономъ. Всякая теорія объ *естественномъ* преступленіи представляетъ чистую химеру. Одинъ только судья, представитель закона, долженъ рѣшать, отвѣтственъ ли передъ нимъ данный преступникъ. Несмотря на большія заслуги судебной психопатологіи въ области юридическихъ

примѣненій, она не должна стремиться къ тому, чтобы подставлять врача на мѣсто судьи, медицинскія науки на мѣсто юриспруденціи, какъ этого пытаются добиться. Судья не отречется отъ своей вѣковой власти передъ кѣмъ бы то ни было, будь это комісія медиковъ или собраніе соціологовъ. Такимъ образомъ юридическія науки и между ними наука уголовного права должна сохранять свое автономное положеніе въ іерархіи человѣческихъ знаній, и отношенія между правомъ и антропологіей почти тѣ же самыя, какія существуютъ между правомъ и геологіей или астрономіей“¹⁾.

Докладъ сенатора Закревскаго вызвалъ сильное негодованіе среди всѣхъ членовъ конгресса. Всѣ говорившіе по этому поводу съ рѣдкимъ единодушіемъ выяснили всю несостоятельность положеній докладчика, полное его незнакомство съ элементарными свѣдѣніями по криминальной антропологіи.

Одинъ изъ видныхъ членовъ конгресса, талантливый бельгійскій аббатъ *de Baets*, такъ возразилъ, между прочимъ, сенатору Закревскому: „Все сказанное представляетъ не докладъ, а скорѣе обвинительный актъ противъ криминальной антропологіи. Г-нъ Закревскій не признаетъ этой науки, отрицаетъ ее и сомнѣвается въ самомъ правѣ ея на существованіе. Мое отношеніе совершенно иное. Отдавъ всѣ свои симпатіи, всю свою любовь міру отверженныхъ, я мучился въ виду карающаго безъ всякой пощады закона, въ виду грозныхъ, терзавшихъ мою душу вопросовъ о вмѣняемости и ответственности. И я долго бродилъ безпомощный въ потьмахъ, не находя отвѣта на свои сомнѣнія... И только когда я встрѣтился съ трудами криминальной антропологіи и тщательно изучилъ ихъ, мои сомнѣнія разсѣялись, мои мысли озарились свѣтомъ. Съ тѣхъ поръ я всей душою полюбилъ эту науку; она освѣтила намъ тотъ міръ падшихъ и обездоленныхъ, тотъ міръ страданія и мрака, въ которомъ гибнутъ жертвы обще-

---

¹⁾ См. отчетъ о конгрессѣ В. П. Сербскаго.—Вопросы философіи и психологіи. 1896, кн. 34.

ственной несправедливости и безсердечности, тотъ отверженный міръ, къ которому мы подходили только затѣмъ, чтобы карать его суровыми и безошадными мѣрами“. Далѣе, указывая на тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ криминальная антропология, *de Baets* замѣтилъ: „предметомъ ея изученія служить человѣкъ въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ, съ его характеромъ и съ тѣми условіями, которыя его окружаютъ. И по скольку криминальная антропология находитъ эту истину, по стольку долженъ видоизмѣняться и законъ согласно съ ея требованіями и указаніями. Законъ, который не слѣдуетъ реформирующему вліянію науки, недолговѣченъ и рано или поздно будетъ снесень нахлынувшюю волной прогреса. И судьи, представители закона, должны не отворачиваться отъ свѣта науки, а искать въ немъ силы и руководства для себя“¹⁾.

Другой членъ конгресса, извѣстный италіанскій ученый, криминалистъ-соціологъ *Ferri*, еще рѣзче высказался по поводу доклада русскаго юриста; онъ сказалъ: „Докладъ сенатора Закревскаго представляетъ печальное событіе для конгресса. Своимъ совершеннымъ непониманіемъ того, о чемъ идетъ рѣчь, онъ доказалъ, что не прочелъ даже первыхъ страницъ ни одного серьезнаго труда по криминальной антропологии, что онъ совершенно не знакомъ съ азбукой того предмета, о которомъ позволяетъ себѣ судить съ такой развязностью. Утверждать, что отношенія между юриспруденціей и криминальной антропологіей ничѣмъ не отличаются отъ ея отношенія къ теологіи или астрономіи, является верхомъ нелѣпости. Г-нъ Закревскій ставитъ судью выше всякаго ареопага ученыхъ; приписывать такую гордость всѣмъ юристамъ было бы, конечно, несправедливо. Только ретроградный рутинеръ, законенѣйшій врагъ всякаго прогреса, можетъ утверждать, что судья не долженъ признавать для себя обязательнымъ слѣдовать указаніямъ науки. Г-нъ Закревскій очевидно не знакомъ съ тѣмъ, что сказалъ еще Цицеронъ: *a natura hominis est*

---

¹⁾ Loco cit.

discenda natura juris (въ природѣ человѣка должна познаваться природа права)¹⁾.

Я умышленно нѣсколько дольше остановился на тѣхъ возраженіяхъ, которыя встрѣтилъ докладъ сенатора Закревскаго на международномъ конгрессѣ, чтобы показать этимъ, какое почетное мѣсто занимаетъ въ настоящее время на западѣ уголовная антропологія среди другихъ естественныхъ наукъ и какую будущность сулятъ этой наукѣ выдающіеся ея представители. Кромѣ того, я остановилъ Ваше вниманіе на этихъ замѣчаніяхъ еще и потому, что оба блестящіе оратора въ своихъ возраженіяхъ сенатору Закревскому вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и мѣтко охарактеризовали задачи и цѣли судебной психопатологіи и въ частности уголовной антропологіи и дали самое правильное и вѣрное толкованіе тому, какое должно быть отношеніе между юриспруденціей и этими науками.

Насколько вообще плодотворно то направленіе, которое далъ Ломброзо наукѣ, ставящей себѣ задачей изучить „преступнаго человѣка“, объ этомъ свидѣтельствуетъ то громадное участіе и тотъ возрастающій интересъ, какой проявляется за послѣднее время къ уголовной антропологіи, а также быстрый прогрессъ тѣхъ общихъ идей, которыя положены въ основу новой науки. Объ этомъ же говоритъ и тотъ фактъ, что за очень короткій промежутокъ времени уже состоялось 4 международныхъ конгресса по криминальной антропологіи, причемъ труды этихъ съѣздовъ, помимо теоретическихъ научныхъ выводовъ, дали весьма цѣнные практическіе результаты. Первый конгрессъ (въ Римѣ) занимался изученіемъ личности преступника, слѣдующій (въ Парижѣ) выдвинулъ на первый планъ изученіе соціальныхъ условий, формирующихъ эту личность, а послѣдніе два конгресса (въ Брюсселѣ и Женевѣ) посвящены были по преимуществу практическимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ изученія преступника съ помощью тѣхъ ме-

---

¹⁾ Л. с.

тодовъ, какіе впервые были предложены Ломброзо. Изъ числа практическихъ вопросовъ, обсуждавшихся на послѣднихъ двухъ конгрессахъ, можно указать на вопросъ о мѣрахъ по отношенію къ неисправимымъ преступникамъ, на вопросъ о необходимости организаціи психіатрическаго надзора въ тюрьмахъ, на вопросъ о введеніи во всѣхъ государствахъ антропологическаго изслѣдованія преступниковъ и т. д.

Важно отмѣтить тотъ фактъ, что никто на конгрессахъ не высказалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ необходимости для современнаго юриста знанія основныхъ началъ патологіи души. На всѣхъ 4-хъ сѣздахъ присутствовало не мало авторитетныхъ юристовъ, которые настойчиво и убѣжденно доказывали, что при настоящемъ развитіи юридическихъ наукъ юристы обязательно должны изучать психопатологію, уголовную антропологію и вообще усвоить себѣ естественно-научные методы изслѣдованія, такъ какъ юриспруденція все болѣе и болѣе сближается съ естествознаніемъ, а между тѣмъ юридическія науки значительно отстали отъ тѣхъ успѣховъ, которые достигнуты естественно-историческимъ изученіемъ человѣка. Весьма отрадно констатировать, что западные представители юриспруденціи единодушно указывали на то, что успѣхи психіатріи научили юристовъ смотрѣть на нѣкоторыхъ преступниковъ, какъ на больныхъ; а потому, какъ замѣтилъ на 3-мъ конгрессѣ одинъ товарищъ прокурора *Мейеръ*, „когда юристъ сомнѣвается, онъ приглашаетъ на помощь врача“. На это замѣчаніе другой юристъ *Ванъ-Гамель* отвѣтилъ: „мы (юристы) должны обращаться къ врачамъ не только тогда, когда мы сомнѣваемся, но для того, чтобы научиться сомнѣваться“ ¹⁾. Это заявленіе *Ванъ-Гамеля* было покрыто дружными рукоплесканіями всего собранія и затѣмъ неоднократно повторялось многими членами конгресса въ дальнѣйшихъ преніяхъ. Всѣ нашли, что Ванъ-Гамель этимъ выраженіемъ весьма вѣрно и

¹⁾ См. отчетъ о 3-мъ конгрессѣ *В. Чижг.* Вопросы философіи и психологіи. 1893, Январь.

мѣтко охарактеризоваль, какъ въ наше время юриспруденція должна относиться къ медицинѣ и вообще къ естествознанію.

Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло у насъ въ Россіи. Наши представители судебной власти часто не знаютъ границъ своей компетентности и нерѣдко считаютъ себя достаточно свѣдущими, чтобы рѣшать различные медицинскіе и въ особенности специально психіатрическіе вопросы. Они забываютъ при этомъ, что психіатрія такая же специальность, какъ напр. химія, астрономія, и что для распознаванія душевной болѣзни необходимы специальныя познанія, доступныя только врачу, посвятившему себя изученію этого отдѣла медицины. Правда, законъ предоставляетъ суду право оцѣнивать данныя медицинской экспертизы вообще, а слѣдовательно и психіатрической. Однако теперь едва ли кто будетъ оспаривать, что это право должно относиться только къ чисто формальной сторонѣ дѣла и не касаться самой экспертизы по существу ея содержанія. Судья призванъ слѣдить лишь за тѣмъ, чтобы при производствѣ экспертизы соблюдались всѣ требованія закона, чтобы не допускалось никакихъ формальныхъ упущеній, чтобы экспертиза не содержала очевидныхъ противорѣчій.

Къ сожалѣнію, юристы у насъ иначе понимаютъ предоставленное имъ по закону право. Въ современной судебной хроникѣ нерѣдко можно встрѣтить случаи, когда обвинительная власть входитъ въ роль строгаго экзаменатора и съ видомъ знатока опровергаетъ всѣ данныя психіатрической экспертизы, безпощадно критикуетъ всѣ ея выводы, основанные въ большинствѣ случаевъ на продолжительномъ и всестороннемъ клиническомъ изслѣдованіи. При этомъ юристы не упускаютъ случая процитировать отрывки изъ специальныхъ сочиненій по психіатріи, сдѣлать ссылку на крупнаго авторитета, привести не идущія къ дѣлу выдержки изъ ходячихъ руководствъ— и все это съ тою цѣлью, чтобы пошатнуть достовѣрность и правильность психіатрической экспертизы. Само собою разумѣется, что при такомъ отношеніи къ дѣлу побѣда весьма легко можетъ остаться за діалектикой и краснорѣчіемъ. Никто

не будетъ отрицать, что такое положеніе вещей представляется ненормальнымъ и недостойнымъ высокой функціи суда. Съ этой точки зрѣнія правы тѣ, которые утверждаютъ, что предоставленіе суду права оцѣнивать и критиковать заключенія экспертовъ „является могилой для научной экспертизы и не имѣетъ за собой никакого основанія ни въ наукѣ, ни даже въ законѣ“¹⁾.

Однако психіатры не должны смущаться такимъ легкимъ отношеніемъ къ ихъ заключеніямъ и мнѣніямъ со стороны судей; они должны лишь сожалѣть о томъ, что положительное знаніе такъ мало еще доступно представителямъ юриспруденціи и что естественно-научные методы изслѣдованія до сихъ поръ еще не вошли въ область юридическихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе психіатрія неуклонно идетъ вѣрнымъ путемъ своего поступательнаго развитія и ея аденты продолжаютъ работать съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ надъ раскрытіемъ самыхъ запутанныхъ проблемъ природы. Каждый врачъ-психіатръ, разъ онъ убѣжденъ въ правильности своихъ наблюденій, долженъ высказывать свое мнѣніе на судѣ прямо и открыто, не боясь того, что онъ можетъ не встрѣтить себѣ сочувствія. Въ этомъ отношеніи глубоко правдивы слѣдующія слова Conolly: „Несчастный, который обреченъ на помѣшательство болѣзненной организаціей или наследственностью, доведенъ до болѣзни бѣдностью или неудачами, тяжело падавшими на его больной мозгъ, не имѣетъ другого друга на землѣ (кромѣ врача)... То же самое мужество, которое побуждаетъ врача пренебрегать опасностью заразительныхъ болѣзней, должно поддерживать его и при исполненіи этой обязанности и внушать презрѣніе ко всѣмъ нападкамъ ядовитыхъ языковъ и перьевъ. Ни голосъ народа, требующаго казни, ни строгость судовъ, отвергающихъ психологическія истины, не должны поколебать его рѣшимость, когда онъ выступаетъ въ качествѣ изслѣдователя и свидѣтеля. Обязанность врача говорить правду. Общество

---

¹⁾ А. У. Фрезе. Очеркъ судебной психологіи. Казань, 1874.

можетъ относиться къ этой правдѣ, какъ ему будетъ угодно¹⁾. Врачи никогда не придерживались и, безъ сомнѣнія, не будутъ придерживаться тѣхъ своеобразныхъ и далеко не гуманныхъ взглядовъ нѣкоторыхъ англійскихъ юристовъ, которые утверждаютъ, что государство существуетъ для блага здоровыхъ, а не для блага больныхъ, и потому больше всего слѣдуетъ содѣйствовать благополучію здоровыхъ, а не заботиться о покровительствѣ сумасшедшимъ.

Выставляя высокое значеніе судебной власти и настойчиво отстаивая свои права на судѣ, юристы тѣмъ самымъ какъ будто опасаются подчинить суды авторитету врачей. Однако, въ силу логической необходимости, во многихъ дѣлахъ такое подчиненіе существуетъ въ дѣйствительности,—и иначе быть не можетъ: этого требуетъ сама жизнь, къ этому ведетъ научный прогрессъ. Въ настоящее время, когда происходитъ все большее и большее раздѣленіе умственного труда, признаніе авторитета является необходимостью. На каждомъ шагѣ въ современномъ обществѣ мы встрѣчаемъ въ широкихъ размѣрахъ обмѣнъ спеціальными свѣдѣніями: „имѣющей тяжбу обращается къ адвокату, больной—къ медику, строящій домъ—къ архитектору“. Нѣсомнѣнно также, что и врачъ-психіатръ, какъ спеціалистъ, долженъ занимать на судѣ авторитетное положеніе: разъ правосудіе обращается за помощью къ медицинѣ, оно должно принимать въ соображеніе получаемые отъ нея отвѣты и пользоваться ея указаніями.

Часто юристы обвиняютъ психіатровъ въ томъ, что послѣдніе склонны отыскивать душевную болѣзнь почти во всякомъ преступникѣ, и потому, если бы судѣ во всѣхъ случаяхъ соглашался съ мнѣніемъ экспертовъ, то отъ этого весьма нерѣдко, будто бы, могли страдать интересы правосудія. Не трудно доказать, что такое мнѣніе представляется мало обоснованнымъ и въ большинствѣ случаевъ ошибочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: каждый врачъ-психіатръ, являясь на судѣ въ роли

---

¹⁾ Цит. по Маудсли, I. с., стр. 99.

эксперта, ясно сознаетъ важность своей задачи и хорошо понимаетъ высокое значеніе экспертизы; онъ не является на судѣ защитникомъ обвиняемаго, онъ не можетъ давать своего заключенія въ пользу подсудимаго безъ достаточныхъ научныхъ данныхъ, только во имя гуманности и состраданія. Нѣтъ: психіатръ-экспертъ даетъ свое заключеніе по требованію со- вѣсти и по долгу присяги, онъ высказываетъ мнѣніе не отъ себя, а отъ имени науки. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо замѣчаніе нашего извѣстнаго юриста *А. О. Кони*, который говоритъ, что экспертъ на судѣ является другомъ и союзникомъ судьи въ трудномъ дѣлѣ отысканія истины въ процесѣ, его надежнымъ помощникомъ для яснаго отдѣленія болѣзни отъ преступленія ¹⁾.

Я глубоко убѣжденъ, что если бы юристы были лучше знакомы съ патологіей души, они не обвиняли бы психіатровъ въ склонности видѣть въ каждомъ преступникѣ душевно-больного, а скорѣе упрекали бы ихъ въ излишней осторожности и сдержанности при заключеніяхъ о душевномъ состояніи обвиняемыхъ.

Судъ весьма часто вдается въ оцѣнку мнѣнія психіатровъ и по своему усмотрѣнію принимаетъ или отвергаетъ его; нерѣдко также судъ постановляетъ рѣшенія прямо противоположныя заключеніямъ психіатрической экспертизы, основывая свой приговоръ „на обстоятельствахъ дѣла и на внутреннемъ убѣжденіи“. Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ такое отношеніе судей къ психіатрической экспертизѣ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ судебныхъ ошибокъ, благодаря чему въ тюрьмы и въ ссылку попадаютъ завѣдомо душевно-больные.

Тюремные врачи удостовѣряютъ, что у многихъ осужденныхъ преступниковъ въ первые же дни заключенія проявляются признаки душевнаго страданія, дающіе полное право заключать, что уже во время совершенія преступленія у нихъ

---

¹⁾ Труды V Пироговскаго съѣзда врачей. Секція судебной медицины.

было умственное разстройство. Горькое чувство овладѣваетъ человѣкомъ, говоритъ проф. Владиміровъ, при чтеніи увѣренія одного опытнаго французскаго тюремнаго врача и психіатра, что въ продолженіе своей 27-лѣтней практики онъ зналъ 1200 наказанныхъ душевно-больныхъ преступниковъ. Въ настоящее время статистика съ несомнѣнностью доказала, что среди арестантовъ душевно-больныхъ значительно больше, чѣмъ между честными людьми, а именно: на тысячу жителей приходится 3 душевно-больныхъ, а между арестантами ихъ 3 на 100, т. е. въ 10 разъ больше. Delbrück, сдѣлавшій свои выводы на основаніи наблюденій въ теченіе 30 лѣтъ, насчитываетъ между арестантами 5% душевно-больныхъ. Другіе авторы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, даютъ приблизительно одинаковыя цифры. Англійская статистика насчитываетъ въ тюрьмахъ до 6,4% душевно-больныхъ; италіанскіе авторы, какъ *minimum*, принимаютъ 5,2%; проф. *Mendel* въ одномъ исправительномъ заведеніи Берлина насчиталъ 12,9% душевно-больныхъ.

Само собою разумѣется, что было бы большой натяжкой объяснять такое громадное число душевно-больныхъ среди арестантовъ вліяніемъ тюремной жизни. Противъ этого, съ одной стороны, прямо говорятъ наши современные взгляды на причины помѣшательства, а съ другой — существуютъ и отчасти приведены выше доказательства тому, что очень большое количество обвиненныхъ были больны еще до совершенія преступленія. По даннымъ *Langreuter'a* въ Пруссіи въ 1884—1885 г. между 1200 душевно-больныхъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ была больна до совершенія преступленія, а *Mendel* полагаетъ, что число таковыхъ простирается до $\frac{3}{4}$. По отчету Прусскихъ заведеній для душевно-больныхъ къ 1 января 1879 г. въ нихъ было 863 душевно-больныхъ преступниковъ, изъ нихъ приговоренныхъ къ наказанію 575 ¹⁾. На Брюссельскомъ конгрессѣ д-ръ *Garnier* ²⁾ въ своемъ

---

¹⁾ В. Чижъ. Судебная психопатологія.

²⁾ См. отчетъ о сѣздѣ. Лосо сіт.

докладъ „О необходимости психіатрическаго изслѣдованія нѣ-которыхъ подсудимыхъ“ указалъ на то, что даже въ Парижѣ, гдѣ судьи и присяжные съ большимъ довѣріемъ относятся къ экспертизѣ психіатровъ, онъ въ теченіе 5 лѣтъ видѣлъ 250 душевно-больныхъ, присужденныхъ къ наказанію. Обращая вниманіе членовъ конгресса на подобнаго рода вопіющіе факты, изъ года въ годъ повторяющіеся въ Парижѣ, докладчикъ для устраненія столь частыхъ судебныхъ ошибокъ предложилъ сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе мѣстъ предварительнаго заключенія врачами-психіатрами, которые бы могли подвергать тщательному изслѣдованію всѣхъ подсудимыхъ и преступниковъ, возбуждающихъ подозрѣніе относительно нормальности ихъ умственныхъ способностей. Подобная система психіатрическихъ осмотровъ, какъ извѣстно, отчасти уже введена въ Бельгіи.

Въ Россіи пока еще нѣтъ даже приблизительныхъ статистическихъ данныхъ относительно $\%$ душевно-больныхъ среди арестантовъ; но уже а priori и по аналогіи, а также судя по отдѣльнымъ сообщеніямъ авторовъ, можно съ положительностью заключать, что у насъ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ не лучше. Существуютъ, напр., указанія, что на Сахалинѣ среди ссыльныхъ каторжниковъ имѣется большой процентъ несомнѣнно душевно-больныхъ. Не безъ основанія также на V Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ 1894 году поднимался вопросъ объ учрежденіи у насъ окружнаго тюремнаго врача-психіатра.

Таковы факты, указывающіе съ несомнѣнностью, какъ часто, благодаря судебнымъ ошибкамъ, подвергаются наказанію душевно-больные, которыхъ, вмѣсто помѣщенія въ спеціальныя больницы, сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ на каторгу. Нельзя, конечно, отрицать того, что пока у насъ будетъ существовать необходимость наказанія вообще, до тѣхъ поръ будутъ встрѣчаться и случаи наказанія душевно-больныхъ, такъ какъ, при невозможности провести точной границы между умственнымъ здоровьемъ и душевной болѣзвью, мы должны роковымъ обра-

зомъ допускать возможность судебныхъ ошибокъ. Однако это не даетъ еще намъ права закрывать глаза передъ существующимъ ненормальнымъ положеніемъ вещей: параллельно съ прогрессомъ науки должна идти забота и о томъ, чтобы новыя научныя завоеванія возможно скоро проводились въ жизнь и наиболѣе продуктивно служили практическимъ цѣлямъ. Мы должны поэтому неуклонно стремиться къ тому, чтобы случаи судебныхъ ошибокъ въ дѣлахъ о душевно-больныхъ были доведены до возможнаго minimum'a.

Въ настоящее время судебная психопатологія вмѣстѣ съ другими вспомогательными науками достигла уже той степени своего развитія, которая позволяетъ свободно пользоваться ея выводами для различныхъ практическихъ цѣлей; теперь уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что при современномъ состояніи психіатріи вполнѣ можно довѣрять ея экспертизѣ. А если это такъ, то законодательство, какъ говоритъ *А. О. Кони*, должно отзываться на это развитіе науки и поставить ея служителей въ ясное и достойное положеніе, уничтоживъ отчужденіе между ними и судьями. Вмѣстѣ съ этимъ представителямъ правосудія необходимо заботиться о томъ, чтобы научныя выводы психопатологіи возможно шире примѣнялись въ судебной практикѣ.

Для этого прежде всего, конечно, требуется, чтобы юристы были знакомы съ основами общей психопатологіи. Для судьи, разумѣется, важно знать не какія либо спеціальныя подробности и тонкости, а только основныя законы психіатріи: онъ долженъ имѣть общія понятія о природѣ помѣшательства, о причинахъ душевныхъ болѣзней. Тогда охранители закона будутъ правильно оцѣнивать мнѣнія психіатровъ, тогда для нихъ будетъ понятенъ смыслъ научныхъ заключеній экспертовъ и они будутъ съ болѣшимъ уваженіемъ относиться къ ихъ выводамъ, являющимся обычно результатомъ тщательнаго клиническаго наблюденія. Тогда уже на судѣ не будетъ мѣста тѣмъ нападкамъ и глумленіямъ, направленнымъ по адресу экспертовъ, которые, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ иногда

слышатся въ залахъ судебныхъ засѣданій. вмѣстѣ съ этимъ будетъ положенъ конецъ тѣмъ бесполезнымъ пререканіямъ и безплоднымъ спорамъ, которые еще такъ часто возникаютъ между судебными властями и психіатрами-экспертами и отъ которыхъ, конечно, ни та, ни другая сторона ничего не выигрываетъ, а между тѣмъ правосудіе очевиднымъ образомъ страдаетъ.

Нужно имѣть въ виду, что у насъ на судѣ особенно часто должны возникать вопросы объ уголовной невмѣняемости подсудимыхъ, такъ какъ дѣло прирѣзня душевно-больныхъ въ Россіи поставлено еще далеко не удовлетворительно, и слѣдовательно помѣшанные, будучи разсѣянными среди здороваго населенія, неизбѣжно приходятъ съ нимъ въ столкновеніе, давая поводъ къ различнымъ судебнымъ процессамъ. Поэтому для русскихъ юристовъ-практиковъ особенно важно знакомство съ проявленіями душевнаго страданія.

Извѣстно, что сами душевно-больные сплошь и рядомъ отрицаютъ свою болѣзнь, а для того, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи отъ ихъ родныхъ, знакомыхъ или даже отъ свидѣтелей по дѣлу, нужно умѣть разспросить, необходимо знать, въ какую сторону направить вопросы, на что главнымъ образомъ обратить вниманіе для полученія наиболѣе важныхъ данныхъ. Все это можетъ удовлетворительно выполнить только лицо, знакомое съ основами ученія о душевныхъ болѣзняхъ. Если бы наши судебные слѣдователи обладали необходимыми свѣдѣніями по психіатріи и были болѣе свѣдуши въ опредѣленіи признаковъ психическаго разстройства, тогда вопросы о душевной болѣзни подсудимыхъ возникали бы уже на предварительномъ слѣдствіи, такъ что ко времени судебного засѣданія было бы всегда собрано достаточно данныхъ для сужденія о состояніи душевной дѣятельности заинтересованнаго въ дѣлѣ лица. „Тогда бы высшему судилищу въ Имперіи (какъ это видно изъ одного рѣшенія Угол. Кас. Департ. 1868 г.) не пришлось бы трактовать, напр., о томъ, относится или не

относится болѣзнь солитеръ къ числу причинъ, уничтожающихъ вмѣняемость“¹⁾).

Нельзя, конечно, отрицать того, что психіатрическая экспертиза иногда бываетъ неудовлетворительной, подчасъ даже ошибочной. Однако это не даетъ еще права юристамъ возводить такіе факты въ общее правило и огульно отрицать всякое значеніе экспертизы. Нужно имѣть въ виду, что иногда въ возможности подобныхъ ошибокъ косвеннымъ образомъ виноваты сами судебные дѣятели, которые нерѣдко для рѣшенія спеціальныхъ психіатрическихъ вопросовъ приглашаютъ въ качествѣ экспертовъ врачей по своему усмотрѣнію, не разбирая ихъ спеціальности, обыкновенно судебныхъ или полицейскихъ врачей. Такъ, д-ръ Сербскій²⁾ указываетъ на странное явленіе, которое въ наше время не должно бы имѣть мѣста, что въ Москвѣ обыкновенно въ судъ вызываются въ качествѣ экспертовъ для рѣшенія психіатрическихъ вопросовъ полицейскіе врачи, несмотря на то, въ столицѣ имѣется достаточное количество опытныхъ спеціалистовъ-психіатровъ. Само собою понятно, что судебный или полицейскій врачъ не имѣетъ ни возможности, ни времени, а, быть можетъ, даже не имѣетъ и желанія спеціализироваться по психіатріи и слѣдить за успѣхами и развитіемъ этой науки; въ силу этого онъ не можетъ имѣть и достаточныхъ свѣдѣній для рѣшенія возникающихъ на судѣ спеціальныхъ вопросовъ, подчасъ крайне запутанныхъ и сложныхъ. Отсюда естественнымъ образомъ его экспертиза можетъ оказаться неполной или даже ошибочной. Съ другой стороны, допустима также роковая возможность ошибокъ по винѣ экспертизы, производимой даже спеціалистомъ-психіатромъ, такъ какъ знанія наши вообще относительноны и несовершенны. Какого бы развитія не достигла психіатрія, какъ бы ни расширялись наши свѣдѣнія въ этой области знанія,

---

¹⁾ См. докладъ *Минилова* въ секціи судебной медицины на V Пироговскомъ съѣздѣ врачей.

²⁾ *Loco cit.*

всегда могут встрѣтиться случаи, относительно которых нельзя дать категорическаго заключенія, крайне трудно высказаться съ положительностью. Несомнѣнно, что „природа всегда будетъ давать загадки человѣческому уму, и не вина врача, что умъ человѣческій не всегда можетъ разъяснить тайны природы“.

Нерѣдко можно слышать мнѣніе, что психіатрической экспертизы слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ врачи-психіатры часто ошибаются. „Тогда, — какъ справедливо замѣчаетъ проф. Чижев¹⁾, — нужно уничтожить суды, потому что они ошибаются; а ошибаются они такъ часто, что существуетъ цѣлое учрежденіе для корректированія ихъ ошибокъ. И если для судей нуженъ касационный институтъ, несмотря на то, что они должны руководствоваться маленькимъ томикомъ законовъ, сколько же должно быть ошибокъ у врачей, если грамодные томы медицинскихъ сочиненій заключаютъ въсебѣ только ничтожную часть того, что подлежитъ ихъ изученію... Прежде всего необходимо, чтобы юристы и публика понимали, что можно и чего нельзя требовать отъ врачей-экспертовъ“.

Все сказанное мною до сихъ поръ достаточно ясно, полагаю, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ часто врачу-психіатру и юристу-практику приходится сталкиваться на судѣ при обсужденіи самыхъ важныхъ вопросовъ, отъ правильнаго рѣшенія которыхъ нерѣдко зависитъ все благосостояніе, вся дальнѣйшая судьба, честь и, быть можетъ, даже жизнь обвиняемаго. Это обстоятельство обязываетъ судью и психіатра-эксперта крайне серьезно относиться къ своей задачѣ и прилагать для правильнаго ея разрѣшенія весь запасъ своихъ знаній, всѣ тѣ научные выводы, какими располагаетъ современная наука, такъ какъ „законъ не можетъ признавать за фактъ того, что не составляетъ факта въ наукѣ“. Въ интересахъ правосудія весьма важно, чтобы врачъ - психіатръ и судья ясно понимали другъ друга, чтобы принципы и законы

---

¹⁾ В. Ф. Чижев. Достоевскій, какъ психопатологъ. Москва, 1895 г.

современной психопатологии могли быть согласованы съ требованиями права. Такой общей почвой для ихъ взаимнаго пониманія, безъ сомнѣнія, можетъ быть только наука.

Мы знаемъ, что психіатрія давно уже введена въ область уголовнаго права, и въ настоящее время ученые криминалисты при своихъ изслѣдованіяхъ не мало удѣляютъ мѣста психіатрическимъ вопросамъ. Однако до сихъ поръ эти вопросы имѣли для юристовъ главнымъ образомъ только общее теоретическое значеніе, представляли для нихъ интересъ лишь съ философской точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что психіатрія оказала уже свое благотворное вліяніе на уголовное право, которое съ этого времени въ значительной степени утратило свой прежній отвлеченный характеръ и стало на болѣе твердую, положительную почву. Успѣхи психіатріи, какъ извѣстно, рѣзко измѣнили старыя юридическія теоріи о разумѣ, волѣ и душѣ человѣка, внесли въ область правовѣдѣнія свѣжій, живой духъ. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливы слова Слонимскаго ¹⁾, который замѣчаетъ, что „новѣйшіе успѣхи психіатріи внесли элементъ шаткости и розни въ общую теоретическую часть уголовнаго права. Чисто отвлеченныя и стройно логическія дотолѣ основныя понятія о природѣ преступленія должны были отчасти проникнуться новымъ, повѣяннымъ извнѣ „медицинскимъ“ духомъ. Абстрактныя идеи о волѣ человѣка, какъ безусловномъ источникѣ человѣческихъ дѣяній, уступили мѣсто выводамъ болѣе положительнымъ и болѣе жизненнымъ, и взамѣнъ отвлеченныхъ „злодѣевъ“, надъ которыми криминалисты когда-то изоцряли свою неумолимую логику, стали мало по малу обрисовываться все яснѣе дѣйствительныя черты тѣхъ несчастныхъ типовъ, которые всегда служили живымъ матеріаломъ для висѣлицъ и эшафотовъ, для тюремъ и каторги. Существенная перемѣна во взглядахъ на природу преступленія

¹⁾ З. Л. Слонимскій. Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. СПб. 1879.

произвела соответствующую перемену въ понятіяхъ о значеніи наказанія. Начало смертной казни пошатнулось именно подъ давленіемъ тяжелаго опыта, добытаго судебной психологіей и психіатріей“.

Несомнѣнно, что только дружная совмѣстная работа психіатровъ и юристовъ можетъ довершить начатое дѣло и окончательно освободить уголовное право отъ старыхъ метафизическихъ понятій. Я лично принадлежу къ защитникамъ того мнѣнія, поддерживаемаго меньшинствомъ, что вопросы о вліяніи психическаго разстройства на уголовную вѣняемость и гражданскую дѣеспособность должны одинаково относиться къ вѣдѣнію юриспруденціи и судебной медицины, а не составлять исключительной принадлежности судебной власти, какъ утверждаютъ многіе и въ томъ числѣ большинство судебныхъ врачей. Я, напр., не могу согласиться съ мнѣніемъ Каспера, который въ своемъ руководствѣ по судебной медицинѣ говоритъ: „Разсужденіе о положеніи судебного врача въ отношеніи къ судѣ есть одно изъ множества праздныхъ сужденій, внесенныхъ въ судебную медицину, не имѣющее ровно никакого значенія, потому что всякій судебный врачъ знаетъ, что онъ вовсе никакого положенія на судѣ не занимаетъ, вовсе никакого отношенія къ судѣ не имѣетъ, не можетъ и не долженъ имѣть. Врачъ предъ судьей есть врачъ—и ничего болѣе. Результатъ устарѣвшаго взгляда, будто судебная медицина и правосудіе, врачъ и судья состоятъ въ какомъ-то особенномъ бракѣ. Понятно, что тѣ, которые признавали этотъ бракъ, были сильно озабочены опредѣленіемъ отношеній супруговъ“¹⁾.

Сказано довольно смѣло, увѣренно и откровенно, но едва ли, на мой взглядъ, справедливо. Я уже указывалъ выше, что въ настоящее время признаніе авторитета является необходимою, такъ какъ современный человѣкъ не въ силахъ совмѣстить въ себѣ знаніе всѣхъ знаній: теперь уже безспорно

---

¹⁾ Цит. по А. Владимірову: О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. СПб. 1870.

для всѣхъ, что энциклопедизмъ давно отжилъ свой вѣкъ. И если судъ приглашаетъ на помощь психіатра, слѣдовательно онъ самъ признаетъ свою некомпетентность въ рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ. Въ такомъ случаѣ психіатръ-экспертъ является на судѣ лицомъ необходимымъ, авторитетнымъ: онъ по справедливости долженъ считаться помощникомъ и союзникомъ судьи, и какъ таковой, конечно, ближайшимъ образомъ заинтересованъ въ правильномъ разрѣшеніи даннаго судебного вопроса.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, нельзя говорить, что врачъ никакого отношенія къ судѣ не имѣетъ, не можетъ и не долженъ имѣть. Отношеніе это, какъ показываетъ современная судебная практика, весьма близкое, и съ нимъ суду всегда приходится считаться. Судью и врача-психіатра сближаетъ на судѣ одна общая цѣль—отыскать истину въ процесѣ, отдѣлить болѣзнь отъ преступленія; на этой почвѣ и рождается ихъ союзъ, основанный на взаимномъ довѣрїи, на взаимномъ пониманіи. Интересы правосудія, конечно, не требуютъ, чтобы отношенія между врачомъ-экспертомъ и судьей такъ или иначе были опредѣлены и установлены. Вопросъ этотъ разрѣшится самъ собою, разъ юристъ-практикъ и врачъ-психіатръ будутъ понимать другъ друга; этотъ вопросъ даже не будетъ имѣть мѣста, разъ юристы усвоятъ себѣ правильный взглядъ на значеніе психіатрической экспертизы.

Такимъ образомъ мы неизбежно пришли къ тому заключенію, что врачу и современному образованному юристу весьма необходимо знаніе психіатріи. Опровергать это положеніе въ настоящее время было бы очень трудно. Въ самомъ дѣлѣ: безъ званія психопатологіи, которая, конечно, должна заключать въ своемъ курсѣ и основныя психологическія свѣдѣнія, юристы не въ состояніи понять преступленія въ полномъ его объемѣ, во всѣхъ его проявленіяхъ. Можно ли спокойно и увѣренно признавать наличность караемаго закономъ преступленія и говорить о вмѣняемости, допустимо ли судить и наказывать людей за эти преступленія, не зная человѣческой души вообще и болѣзненныхъ ея проявленій—въ особенности.

Возможно ли правильно понимать сущность преступных дѣяній, не представляя себѣ ясно, что такое страсть, что такое патологическій афектъ, какъ вліяють ненормальныя настроенія духа на волевою дѣятельность человѣка, чѣмъ характеризуются бредовыя идеи, какъ онѣ видоизмѣняютъ сознание и какъ проявляются въ дѣйствіи, какое значеніе имѣють различныя извращенія чувствъ и въ какомъ соотношеніи они находятся съ нормальными влеченіями человѣка. Все это такіе вопросы, съ которыми юристу-практику сплошь и рядомъ приходится сталкиваться, рѣшая дѣла о преступныхъ дѣйствіяхъ душевно-больныхъ. Особенно важно представителю юриспруденціи обладать такими свѣдѣніями въ настоящее время, когда наука уголовного права принимаетъ новое направленіе, когда начинаютъ изучать не преступленіе, а самого преступника, пользуясь при этомъ біолого-антропологическими и психо-физическими методами.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что необходимыя знанія въ указанномъ направленіи и при томъ въ должномъ объемѣ, съ желаемой полнотой и въ надлежащей системѣ возможно получить только при прохожденіи университетскаго курса. Поэтому весьма желательно, чтобы преподаваніе судебной психопатологіи студентамъ - медикамъ и юристамъ сдѣлалось обязательнымъ. Правда, медики и юристы (последніе не обязательно) слушаютъ курсъ судебной медицины, куда должна входить, конечно, и судебная психопатологія. Однако, теперь никто не будетъ отрицать того, что при современномъ развитіи психіатріи преподаватель судебной медицины не имѣетъ возможности въ своемъ курсѣ сообщить слушателямъ въ необходимомъ объемѣ всѣ свѣдѣнія по судебной психопатологіи; наука эта въ настоящее время настолько обособилась, расширилась и развилась, что для ея изученія требуется солидная спеціальная подготовка. Въ виду этого преподавателемъ судебной психопатологіи можетъ быть только психіатръ, обладающій достаточнымъ запасомъ личнаго опыта, знакомый съ предметомъ какъ теоретически, такъ и практически.

Хотя до сихъ поръ въ нашихъ университетахъ не существуетъ еще обязательнаго преподаванія судебной психопатологии, но можно думать, что это составляетъ только вопросъ времени и что въ недалекомъ будущемъ эта наука войдетъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ и на юридическомъ факультетѣ. Уже сейчасъ русскіе университеты, сознавая всю важность этого предмета, весьма охотно разрѣшаютъ частнымъ преподавателямъ читать необязательные курсы по судебной психопатологии для юристовъ, и такіе курсы существуютъ во всѣхъ нашихъ университетахъ, кромѣ Казанскаго.

Теперь уже можно съ достаточной увѣренностью говорить, что недалеко то время, когда система юридическаго образованія испытаетъ коренную реформу, измѣнитъ свой настоящій типъ и прійметъ другое направленіе, по преимуществу естественно-историческое. Это направленіе и сейчасъ уже сказывается во многихъ юридическихъ изслѣдованіяхъ, и оно будетъ несомнѣнно развиваться и укрѣпляться, благодаря современнымъ успѣхамъ криминальной социологии и завоеваніямъ судебной психопатологии. И у насъ въ Россіи ученые юристы за послѣднее время стали замѣтно проявлять интересъ къ психіатрическимъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на работы Хрулева, Дриля, Стефановскаго и др.

Вообще нужно замѣтить, что ученіе о ненормальной душевной жизни человѣка въ настоящую историческую эпоху возбуждаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе интересъ, и число изслѣдователей, посвящающихъ себя изученію этой отрасли знанія, съ каждымъ днемъ все увеличивается. Съ психіатрическимъ методомъ изслѣдованія начинаютъ знакомиться современные социологи и историки, и этотъ методъ все болѣе и болѣе начинаетъ примѣняться къ изученію давно пережитыхъ событій, прошлыхъ историческихъ эпохъ и различныхъ историческихъ дѣятелей и героев. Новѣйшіе историки, примѣняя психіатрическій и психологическій анализъ, стараются съ этой точки зрѣнія освѣтить все темное и непонятное изъ прошлыхъ вре-

мень, пытаются разъяснить и понять характер дѣятельности многихъ загадочныхъ историческихъ личностей и государственныхъ людей. Такому анализу уже подвергнута дѣятельность Наполеона, Петра Великаго, Магомета и др. Извѣстный итальянскій историкъ Ферреро произвелъ весьма любопытный психологическій анализъ Наполеона и Аттилы, проведя паралель между названными историческими личностями.

Если вообще вѣрно положеніе, что въ настоящее время „врачебная наука не нуждается болѣе въ мантии мистицизма и таинственности и считаетъ своимъ лозунгомъ сдѣлать знанія всеобщимъ достояніемъ“, то это сугубо справедливо по отношенію къ психіатріи, которая теперь значительно расширила свой научный горизонтъ и располагаетъ уже большимъ количествомъ цѣннаго матеріала, ждущаго „вдохновеннаго обобщенія“.

Особенно богато такимъ матеріаломъ наше отечество, въ которомъ среди массъ такъ слабо еще развито просвѣщеніе и гдѣ поэтому такъ часты, напр., различныя религіозныя движенія, гдѣ такъ много имѣется непризнанныхъ сектъ, гдѣ такъ широко распространено самозванство въ различныхъ его видахъ и проявленіяхъ. Въ этой области человѣческихъ заблужденій и разнаго рода патологическихъ явленій общественной жизни многое еще недостаточно изучено, многое неправильно освѣщено, ошибочно истолковано, и потому вопросы эти во многихъ отношеніяхъ подлежатъ еще дальнѣйшему всестороннему изслѣдованію съ антрополого-психологической точки зрѣнія.

Несомнѣнно, что съ подобными ненормальными явленіями, именуемыми у насъ заблужденіемъ фанатизма или преступнымъ фанатизмомъ, прежде всего и чаще всего приходится встрѣчаться юристу-практику; поэтому очень нерѣдко отъ судьи исключительно зависитъ то направленіе, какое дается судебнымъ дѣламъ, возникающимъ на почвѣ религіозныхъ броженій. А между тѣмъ опытъ показываетъ, что многія сектантскія движенія въ нашемъ отечествѣ рождаются на патологической

почвѣ, носятъ болѣзненно-религіозный характеръ и нерѣдко возбуждаются и поддерживаются несомнѣнно душевно-больными, которые въ большинствѣ случаевъ являются вожаками и стоятъ во главѣ этихъ броженій.

Подтверженіемъ сказаннаго могутъ служить недавнія печальныя событія, имѣвшія мѣсто на югѣ Россіи. Въ 1892 г. проф. Сикорскій описалъ психопатическую эпидемію въ Киевской губерніи, извѣстную подъ именемъ „малеванщины.“ Это религіозное движеніе, быстро развившееся и охватившее почти одновременно нѣсколько деревень, было названо малеванщиной по имени мѣщанина Кондратія Малеваннаго, давшего первый толчекъ къ развитію эпидеміи, грозившей принять широкіе размѣры. Для изученія появившагося религіознаго броженія на мѣстѣ его распространенія, по распоряженію начальника юго-западнаго края, была отпращена спеціальная комісія, въ которой находился, между прочимъ, и психіатръ, проф. Сикорскій. Произведенное изслѣдованіе обнаружило съ несомнѣнностью патологическій характеръ названнаго религіознаго движенія, причемъ самъ главарь и учредитель секты, Кондратій Малеванный, оказался душевно-больнымъ, страдающимъ параноей, и потому былъ помѣщенъ въ спеціальную больницу, гдѣ находится и по настоящее время. Многіе приверженцы „малеванщины“ также оказались страдающими помѣшательствомъ и тоже были помѣщены въ больницы для душевно-больныхъ.

Нужно замѣтить, что своевременно принятая разумная мѣры не замедлили оказать благотворное вліяніе на заболѣвшее населеніе и, по словамъ проф. Сикорскаго, привели къ ослабленію и даже къ прекращенію болѣзненно-религіознаго броженія, которое своимъ острымъ началомъ и бурными проявленіями угрожало принять широкое распространеніе.

Совсѣмъ иначе отнеслись судебныя власти къ другому, еще болѣе недавнему, событію, главными участниками котораго, какъ это выяснено впоследствии тѣмъ же проф. Сикор-

скимъ ¹⁾, были опять-таки душевно-больные. Я разумѣю здѣсь ту ужасную драму, которая въ прошломъ 1897 году разыгралась среди сектантовъ Терновскихъ хуторовъ (близъ Тирасполя), которые, т. е. сектанты, въ количествѣ 25 человекъ были заживо погребены, рѣшившись умереть вольной смертью.

Извѣстно, что главная участница этой страшной бытовой драмы Виталія и съ нею 6 другихъ лицъ были арестованы и помѣщены въ тюрьму. Здѣсь поведеніе арестованныхъ уже съ самаго начала было столь необычно, что невольно наводило на серьезныя подозрѣнія относительно нормальности ихъ умственныхъ способностей. Однако на это не было обращено надлежащаго вниманія со стороны судебной власти, несмотря на то, что арестованные вскорѣ стали проявлять уже несомнѣнные признаки душевнаго расстройства, какъ то: крайне возбужденное состояніе, отказъ отъ пищи, попытки къ самоубійству—признаки, которые сами по себѣ являются уже прямымъ показаніемъ къ помѣщенію одержимыхъ ими въ психіатрическое заведеніе. Къ сожалѣнію, этого сдѣлано не было, и бывшіе арестованные, выпущенные затѣмъ, по другимъ соображеніямъ, на свободу и возвращенные на мѣсто своего жительства, какъ извѣстно, заживо погребли себя и умерли вольной смертью.

Такимъ образомъ страшное, безпримѣрное въ наше время Терновское событіе, заслуживающее самаго глубокаго и всесторонняго изученія и могущее одинаково заинтересовать историка, психолога, ученаго криминалиста и врача-психіатра,—осталось совершенно неразгаданнымъ фактомъ, неосвѣщеннымъ съ научной точки зрѣнія.

Если бы представители суда глубже взглянули на дѣло, тогда названные сектанты не были бы заключены въ тюрьму, а были бы отданы подъ наблюденіе психіатровъ. Тогда эти

---

¹⁾ А. И. Сикорскій. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ.—Вопросы нервно-психической медицины. 1897 г. вып. 3.

лица, находясь въ иной обстановкѣ, могли бы дать важныя показанія, которыя бы явились высокоцѣннымъ матеріаломъ для разъясненія столь печальныхъ бытовыхъ явленій русской жизни.

Теперь же, со смертью Виталии и Поли, главныхъ участницъ страшной бытовой драмы, ключъ къ разъясненію Терновскихъ событій безвозвратно потерянъ. „Объ этомъ,—говорить проф. Сикорскій,—можно скорбѣть тою скорбью, какую испыталъ бы историкъ, если бы былъ утраченъ какой нибудь цѣнный пергаментъ, какой нибудь невскрытый документъ, какой нибудь историческій *unicum*. Таковыми именно являются погибшіе сектанты“¹⁾.

Но съ медицинской точки зрѣнія больше всего, конечно, при этомъ случаѣ приходится сожалѣть о томъ, что, вслѣдствіе печальнаго заблужденія, больные, психически ненормальные люди, требующіе врачебнаго попеченія и медицинской помощи, подвергаются вмѣсто этого наказанію и попадаютъ въ тюрьмы.

Большой интересъ представляетъ также для юриста-практика и для психіатра другое зло современной общественной жизни, проявляющееся въ видѣ самозванства. Это патологическое явленіе, возникающее въ большинствѣ случаевъ на почвѣ суевѣрія и невѣжества, встрѣчается нерѣдко даже въ наше культурное время и проникло во всѣ слои общества, заразило всѣ професіи. Не такъ давно еще заставилъ о себѣ много говорить дерзкій самозванный докторъ Курпухинъ-Покровскій, а еще позднѣе широко прошумѣлъ по всему Поволжью „талантливый самозванецъ“ Раменскій-Гендриковъ-Толстой, „геніальнѣйшій изъ ревизоровъ“, который успѣлъ обревизовать нѣсколько губерній и вообще совершилъ много подвиговъ, утомившихъ, наконецъ, его, прежде чѣмъ былъ помѣщенъ въ Казанскую Лечебницу для душевно-больныхъ.

---

¹⁾ *Loco cit.*

Приходится только удивляться, какимъ образомъ эти психически ненормальные люди, эти несомнѣнно патологическіе типы съ такимъ успѣхомъ осуществляютъ задуманные планы, такъ ловко выдерживаютъ свою роль, увлекаютъ толпу и пользуются всеобщимъ вниманіемъ.

Указанные факты самозванства далеко не единичны: аналогичныхъ случаевъ, опубликованныхъ въ газетахъ, можно найти очень много, и они служатъ лучшей характеристикой переживаемого нами „больного вѣка“. Не даромъ текущая общая преса уже занялась изученіемъ этого выдающагося общественнаго явленія, и нашъ извѣстный публицистъ Короленко¹⁾, заинтересовавшись „современной самозванщиной“, собралъ много такихъ случаевъ, анализировалъ ихъ и далъ мѣткую характеристику самозванцевъ, этихъ странныхъ и загадочныхъ личностей, указавши при этомъ на главнѣйшія психологическія черты ихъ патологической организаціи.

Я привелъ здѣсь эти факты съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ часто современному юристу-практику приходится сталкиваться въ его дѣятельности съ такими ненормальными явленіями общественной жизни, для правильнаго пониманія которыхъ безусловно необходимо знакомство съ болѣзненными проявленіями человѣческой души, необходимо знаніе психопатологіи.

Вѣдь законъ нашъ въ преступленіяхъ противъ вѣры и нравственности допускаетъ смягчающія вину обстоятельства, разъ будетъ доказано, что заинтересованныя въ дѣлѣ лица дѣйствовали по неразумію, невѣжеству или по заблужденію фанатизма. Отъ признанія „неразумія“ или „заблужденія фанатизма“ уже недалеко до умственной ненормальности, которая въ большинствѣ случаевъ допускаетъ невмѣняемость и освобождаетъ отъ отвѣтственности и наказанія.

Въ такихъ случаяхъ крайне важно то, будетъ ли подсудимый признанъ невиновнымъ или же невмѣняемымъ. Съ

---

¹⁾ Русское Богатство. 1897 г. № 5 и 8. Хроника внутренней жизни.

практической точки зрѣнія это представляется далеко не безразличнымъ, такъ какъ признаніе невиновности ведетъ къ оправданію подсудимаго и къ возвращенію ему полной свободы, а признаніе невмѣняемости вслѣдствіе душевной болѣзни ведетъ къ помѣщенію его въ специальное заведеніе. Это имѣетъ большое значеніе по отношенію ко всѣмъ процессамъ вообще, а въ особенности въ такихъ дѣлахъ, какъ, напр., проступки противъ вѣры, нравственности, а равно и нѣкоторые проступки такъ называемаго политическаго характера.

Во всѣхъ подобнаго рода судебныхъ процессахъ правосудіе много бы выиграло, если бы судьи больше обращали вниманія на душевное состояніе заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Въ этомъ отношеніи совершенно правиленъ взглядъ русскаго юриста Слонимскаго, который говоритъ: „Чувство справедливости нисколько не страдало бы, если бы люди, виновные въ преступныхъ „заблужденіяхъ фанатизма“, помѣщались въ заведенія для душевно-больныхъ, вмѣсто того чтобы подвергаться уголовнымъ карамъ наравнѣ съ убійцами.... Общественное чувство справедливости ничего не имѣло бы, если бы преступныя политическія заблужденія отдавались при извѣстныхъ условіяхъ на судъ врачей-психіатровъ“¹⁾.

Русское законодательство облекло судебную власть большими полномочіями и вмѣстѣ съ тѣмъ дало ей широкій просторъ для свободнаго толкованія и примѣненія статей закона. Особенно большое вліяніе имѣютъ личные взгляды и убѣжденія судей въ дѣлахъ, касающихся душевно-больныхъ. А кому много дано, съ того много и взыщется. То высокое положеніе, какое занимаютъ юристы на судѣ, налагаетъ на нихъ очень трудную и въ тоже время въ высшей степени почетную обязанность примѣнять въ судебной практикѣ тѣ выводы и положенія, какіе выработала современная наука, пользоваться въ этой практикѣ ея указаніями и проводить въ жизнь тѣ правовыя идеи, которыя она диктуетъ.

---

¹⁾ Loco cit.

При этомъ условіи судебная практика по вопросамъ, касающимся юридическаго положенія душевно-больныхъ, освободится и излѣчится отъ тѣхъ недуговъ, какими она до сихъ поръ еще такъ сильно страдаетъ. Эти дѣйствительно существующіе недуги весьма нерѣдко даютъ поводъ обвинять судебную практику въ томъ, что она „не только оказывается неспособной справиться даже съ самыми незначительными затрудненіями, представляемыми буквой закона, но еще сама какъ будто старается по возможности усиливать и усложнять и безъ того крупные недостатки законодательства“ о душевно-больныхъ.

Вотъ тѣ основанія, на мой взглядъ—весьма серьезныя и убѣдительныя, которыя позволяютъ въ настоящее время считать неоспоримымъ то положеніе, что для современнаго юриста-практика изученіе психопатологіи имѣетъ особо важное значеніе и что настоятельно необходимо, чтобы психіатрическія свѣдѣнія возможно шире были распространены между врачами и представителями судебной власти. „Пока юристы,—говоритъ Краффтъ-Эбингъ,—не обладающіе основательнымъ знаніемъ проявленій душевно-ненормальныхъ состояній, будутъ приступать къ обсужденію конкретныхъ случаевъ, руководясь общераспространенными предразсудками объ этихъ состояніяхъ и не умѣя правильно ставить о нихъ вопросы врачамъ, и пока мало свѣдующіе врачи будутъ призываться въ качествѣ экспертовъ для рѣшеній этихъ неправильно поставленныхъ вопросовъ,—отъ такого или иного отвѣта на которые, однако - же, очень часто зависятъ свобода, честь и даже жизнь обвиняемаго,—до тѣхъ поръ судебная психопатологія, несмотря на ея общественное значеніе и достигнутую уже ею степень развитія, будетъ оставаться мертвою наукой, и добытые ею выводы не послужатъ къ общему благу. Это незнаніе, неувѣренность и явное невѣжество, встрѣчаемыя въ залѣ суда при рѣшеніи вопросовъ о сомнительной здравости ума, исчезнутъ только тогда, когда въ университетахъ будутъ приложены заботы

объ обязательномъ преподаваніи судебной психопатологіи не только будущимъ судебнымъ врачамъ, но и юристамъ¹⁾. Дѣйствительно, введеніе обязательнаго преподаванія судебной психопатологіи юристамъ явилось бы только осуществленіемъ давно назрѣвшей потребности, было бы прогрессивнымъ шагомъ въ дѣлѣ пополненія и расширенія ихъ университетскаго образованія, послужило бы удовлетвореніемъ законныхъ требованій жизни и вполне отвѣчало бы современному развитію этой науки.

Тогда врачи-психіатры и юристы-практики научились бы лучше понимать другъ-друга, больше бы удѣляли вниманія судебно-психіатрическимъ вопросамъ и совмѣстнымъ трудомъ оказали бы громадную услугу интересамъ правосудія.

Вмѣстѣ съ этимъ тогда уже съ увѣренностью можно бы было предсказать, что въ русской судебной практикѣ не встрѣчалось бы столько ошибокъ и печальныхъ недоразумѣній, относящихся къ душевно-больнымъ преступникамъ: тогда нашъ судъ въ дѣлахъ о душевно-больныхъ былъ бы дѣйствительно судомъ *правымъ и милостивымъ!*

1) Судебная психопатологія.—Рус. пер. д-ра Черемшанскаго. 1895. 107